

to ethical problems of freedom and happiness points out that the intuitive learning that leads to absolute truth is of major importance for a human race. How-

ever, Spinoza's works do not tell about transition from relative (knowledge of modi) to absolute truth.

Key terms: cognition, deduction, intuition, truth, substance, attributes, modi.

УДК 1 (091)

Куров И.Г.

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОНИМАНИЯ «ПРЕДМЕТОВ» В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ*

Аннотация: В статье конкретизируются общие принципы понимания «предметов» Гуссерлем, особенно на раннем этапе формирования феноменологии в качестве философской концепции, как это отражено в работе «Логические исследования». Фундаментализм теории Гуссерля видится автору прежде всего в установке, в соответствии с которой подлинная онтология может быть развита только как онтология сознания, представляющая собой процесс описания его предметностей, процесс образования смысловых связей мира. Подобное постулирование заключает в себе также смысл учения о трансцендентальной субъективности, включающего в себя новые черты, оставшиеся неучтенными в классической трансцендентальной философии.

Ключевые слова: феноменология, сознание, «предмет», феномен, редукция, интенциональность, трансцендентальная субъективность.

Общеизвестно, что свою трансцендентальную феноменологию Гуссерль принципиально противопоставляет естественной установке. Естественное (позитивно-научное) познание, по мнению философа, - познание наивное. Эта наивность прежде всего заключается в том, что оно неспособно подняться над фактами, то есть имеет дело лишь со случайным. А весь смысл случайного, как считает Гуссерль, состоит в том, что каждый факт «новой сущности», полученной из опыта, может нести дополнительную информацию. Поэтому естественное познание релятивно, поскольку истины, добытые с его помощью, всегда неполны, относительны. Соответственно философии, строящие свои концепции бытия на естественном познании, не могут быть ничем иным, как разновидностями релятивизма (см.: 1, 57-59).

Лозунг о необходимости возврата «к самим вещам» в естественнонаучном познании смешивается, идентифицируется, по Гуссерлю, с обособ-

ванием познания посредством опыта как реального обращения к материальному, предметному миру. Гуссерль правда, не отрицает того, что и феноменологическое познание должно начинаться с опыта, но у него этот лозунг имеет следующий смысл (см.: 2, 43-47): понимание «вещей», данных нам в опыте, возможно только на основе анализа интенциональных актов, исходящих из трансцендентального Я; поэтому трансцендентальная феноменология выступает как самораскрытие субъективности, рефлектирующей над своими трансцендентальными функциями и все объективное бытие, вся истина имеет свою бытийственную и познавательную основу в трансцендентальной субъективности; объективное же само по себе представляет синтетическое единство актуальной и потенциальной интенциональности, сущностно принадлежащее, опять же, трансцендентальной субъективности.

Отметим важную «вещь». Гуссерль в своей фундаментальной теории фактически постулирует, что подлинная онтология может быть развита только как онтология сознания, которая представляет собой процесс дескрипции его предметностей, процесс конституирования смысловых связей мира. *Сознание и предмет должны быть изначально едины, вернее, должны быть описаны как имеющие такое единство.* В этом заключен смысл учения о трансцендентальной субъективности (интенциональности, редукции и т.д.), в бытии которой Гуссерль подмечает новые особенности и черты, оставшиеся незамеченными или неучтенными в классической трансцендентальной философии (см.: 3, 103-106; 4, 148-152). В этой связи важно конкретизировать общие принципы понимания «предметов» Гуссерлем, особенно на раннем этапе формирования им феноменологии.

В первом томе «Логических исследований» Гуссерль пишет: «Чтобы предупредить недоразумение я подчеркиваю, что слова предметность, предмет, вещь и т.п. постоянно употребляются

* © Куров И.Г.

здесь в самом широком смысле, следовательно, в гармонии с предпочитаемым мною смыслом термина познание. Предметом (познания) могут равно быть реальное и идеальное, вещь и процесс, род и математическое отношение, бытие и то, что должно быть. Это само собой переносится на такие выражения, как единство предметности, связь вещей и т.п.» (5, 335).

При феноменологической трактовке предметов находит определенное продолжение и развитие идущая от Канта традиция (см.: 3, 97-99), в соответствии с которой понятие «предмет» изначально связывается не с вещами, существующими вне и независимо от человеческого сознания; *предметом именуется все то, что уже «дано», «явлено» чувственному созерцанию* («...ни один предмет не может быть дан иным способом») (6, 127). Данность предметов через созерцание – исходный пункт их исследования и для Канта, и для Гуссерля. Однако оценка способности человека на основе такой данности судить о вещах как они существуют вне сознания, о «вещах самих по себе» у этих двух философов различна. Для Канта «явленность» предмета благодаря чувственности, «данность» предмета – исходная ступень творческой деятельности сознания, но это и барьер, отделяющий предметы от вещей самих по себе. Что касается Гуссерля, то в *его толковании явленность предмета свидетельствует о действительной данности «самой вещи»*.

Учтем этот «некантовский» вывод из кантовской идеи предмета как «данности» сознания. Уже эмпирическое созерцание обладает, по Гуссерлю, таким свойством: оно «дает» предмет – и не просто как некоторый феномен, скрывающий за собой уже непроницаемую, недоступную вещь; данными, явленными оказываются действительно присутствующие вещи ее свойства, качества, существующие до и независимо от сознания.

Резюмируем в этой части: гуссерлевская линия в философии с самого начала была связана с подчеркиванием огромной «раскрывающей» силы явления: феноменами в гуссерлевом (а позже – и в хайдеггеровском) (см.: 7, 305-306) толковании становятся «единицы» сознания, благодаря которым с очевидностью и полнотой дается выражаемое в них предметное содержание; обстояние вещей само себя раскрывает, обнаруживает, «говорит» с человеком через посредство феномена.

Попутно заметим, говоря о классической когнитивной парадигме рациональности, что Гуссерль совершенно неклассичен в фиксации способности сознания давать «сам предмет»: независимое от сознания обстояние вещей существует вовсе не благодаря тому, что общие связи вещей «адекватно» воспроизводятся, «копируются» в соответствующих связях сознания и познавательных

связях.

Феноменология покоится на парадоксальном (в сравнении с традиционными гносеологическими концепциями) *принципе*: а) через предметности сознания нам очевидным и полным образом «даются» вещи и вещественные содержания, связи, как они существуют сами по себе; б) иного способа «данности» вещей, нежели через предметности сознания, не существует; в) но и сами предметности сознания, и объединяющие их внутренние связи, необходимые отношения коренным образом отличаются от необходимых связей и отношений самих вещей (5, 335).

Это, соответственно, предполагает, что учение о сознании должно использовать иные методы, чем учение о мире вне сознания. Теория «предметностей» в контексте феноменологии замыслена как исследование совершенно специфических «предметных закономерностей» самого сознания, о которых, полагает Гуссерль, нельзя судить на основе законов, применимым к материальным вещам природы, их связям и отношениям. И еще. Говоря о «данности» объективного предметного «обстояния вещей» через сознание, Гуссерль одновременно вводит две разъясняющие и тоже на первый взгляд непривычные идеи (непривычные для «натуралистических» теорий данности предмета сознанию) (см.: 8, 189):

1) данность предметного содержания – результат труднейшей творческой деятельности сознания, фактически «развертывающего» множество внутренних структур, механизмов, поэтому

2) феноменологическая философия, вводя проблему предметности вне сознания, прежде всего утверждает (вслед за Кантом) ее сугубую коррелятивность проблеме предметов самого сознания. При этом предметы сознания, пусть и истолкованные как его «данности», вводятся Гуссерлем в его концепции не сразу: часть феноменологии нацелена на постепенное вычленение, введение предметных структур через другие структурные элементы сознания. То есть, предметность «является» благодаря «работе» механизмов и структур, принадлежащих собственно сознанию.

Заметим это. Но есть и другая важная здесь для нас деталь: во втором томе «Логических исследований» Гуссерль начинает анализ сознания с тех главных форм и структур, с помощью которых оно «является» и объективируется, – таковыми он считает языковые высказывания и психические переживания (см.: 9, 13-15). При этом, нацеливаясь на «очищение» сознания – на построение учения о «чистом сознании», – феноменология вместе с тем отталкивается и освобождается от «нечистых» данностей, то есть, идя к «редуцированному» феномену как единице и объекту анализа, она начинает с «полного», нередуцированного феномена

сознания. Опять же примечательно, что по существу процедура «нисхождения» к полноте феномена и «восхождения» к «чистым» сознанию, феномену, структуре, сущности повторяется в каждом важном шаге, узле феноменологического суждения, но в том виде, в каком она нужна именно для решаемых там конкретных задач.

Добавим сюда общую иллюстрацию специфики движения анализа в феноменологической концепции сознания и его предметностей (см.: 10, 70-71): 1) отправляясь от «полного» феномена, от эмпирически данного переживания, Гуссерль сначала 2) вычлняет из него и выделяет для анализа языковые высказывания (допустим «чистый» формальный логико-лингвистический анализ); анализ высказываний у Гуссерля постоянно и неразрывно переплетен с 3) чисто феноменологическим: с упомянутым постоянным «нисхождением» к полному переживанию и «восхождением» к «чистому» переживанию; а благодаря этому 4) анализ знания тесно соединен у Гуссерля с анализом (в особом ракурсе) сознания и познания. Поэтому адекватная интерпретация феноменологии содержит совокупность 1) анализа объективируемых «внешних» данностей анализа знания (логика, лингвистика → логико-лингвистический аспект феноменологии), 2) исследования внутренних структур, механизмов, «действий» сознания в его единстве с познанием (гносеология → эпистемологический аспект феноменологии). Словом, это другое важное замечание.

Теперь *резюмируем* и в этой части: Гуссерль осуществляет системный поиск, из которого нельзя выпустить ни одно из основных звеньев; он создает специфический аналитико-синтетический способ «одновременного» и тотального (из-за неразрывной «данности» обоих аспектов в сознании) исследования названных сторон, феноменов сознания; феноменология является по сути концепцией творчески деятельного сознания, которая в то же время тщательно анализирует его внешне объективируемые данности и предлагает их аналитическую формализацию.

С помощью вводимого в философский обиход понятия интенциональности Гуссерль в «Логических исследованиях» достигает своеобразного синтеза эпистемологических и онтологических аспектов исследования сознания. В данном случае под онтологическим аспектом подразумевается анализ объективной, предметной стороны актов сознания. Именно в силу признания того, что сознание – это всегда «сознание чего-то» или «сознание о чем-то», что трансцендентно ему, теория, исходящая из такого понимания, не может не быть и онтологией, то есть учением о том, что сознанием осознается. Эта позиция является, собственно, *новым ракурсом в понимании онтологии*, предло-

женном Гуссерлем (см.: 11, 66).

Специально (и повторно) оговорим также, что единство анализа актов сознания и содержательных его данностей достигается Гуссерлем в процессе элиминации всякого реального содержания (в том числе объективного реального бытия) из сферы феноменологической рефлексии. Феноменологическая установка, как она сформулирована в «Логических исследованиях», направлена на такое исследование «идеальных сущностей», при котором они не отделяются от тех актов сознания, в которых эти сущности даются. Феноменология категорически запрещает привлекать к рассмотрению какие-либо реальные, эмпирические, фактические объекты, события, явления и т.д. сами по себе, поскольку вопрос о существовании этих реальностей вне сознания считается метафизическим.

Гуссерль интересуется, таким образом, не реальностью, а идеальностью объективных смысловых структур мира, которые в качестве реальных могут и не существовать. И поэтому путь к ним возможен исключительно на основе анализа переживаний сознания. Гуссерль говорит, что феноменология в его понимании «стремится дать *объяснение* не познанию, *фактическому* событию в объективной природе в психологическом или психофизическом смысле, но *прояснить идею* познания в соответствии с его конститутивными элементами, или законами...» (9, 33).

Таким образом, для Гуссерля коррелятивные акты сознания предметности должны быть поняты исключительно на основе их данности в сознании. Причем тут важно то, что опыт их «чистого» переживания в феноменологии приобретает в силу операций самого мыслящего субъекта над своим сознанием. Феноменолог, следуя своему сознанию, которое неизбежно что-то осознает (а что именно, это зависит от интересов самого исследователя, то есть каждый акт сознания получается сконструированным самим феноменологом), в этом следовании получает способность усмотреть «чистую сущность» предметности, коррелятивной сознанию.

Это обращение Гуссерля к анализу возможностей «чистых» предметностей как формобразов сознания и к прослеживанию путей приобретения соответствующих истин о них (а это, в его понимании, процесс единовременный) обуславливает совершенно особый характер его философии и онтологии (см.: 12, 93-94). Так истины, которые мы получаем в трактовке Гуссерля в результате проникновения в сферу идеальных предметов, о мире, о реальности ничего не высказывают. Чисто идеальные истины априорны и осознаются как истины с безусловной необходимостью и всеобщностью. Идеальные предметы

относятся не к фактическому положению вещей, а имплицитно относятся, согласно своему смыслу, к фактам возможным (см.: 13, 68-69).

При такой постановке вопроса, считает Гуссерль, принципиально снимается традиционная философская проблема сущности и явления. Последняя имела бы место, если бы феноменология познания понималась как процесс реального, постепенного проникновения в сферу каких-то действительных событий. Но такое познание, по Гуссерлю, никогда не давало бы абсолютного объективного знания, с поисками которого всегда была связана философия, желающая избежать скептических и релятивистских выводов. Для приобретения такого знания Гуссерль принципиально снимает проблему явления, перенося всю проблематику в сферу сознания. И в результате «работы» над ним феноменологическому усмотрению открываются не явления, но непосредственно само бытие в своей идеальной сущности (14, 327-328).

«Логические исследования» сам Гуссерль не считал произведением, в котором достигнут желаемый уровень прояснения абсолютных основ познания и бытия. Углублением и развитием этих проблем он считал свой переход на позиции трансцендентального идеализма как науки о трансцендентальной субъективности. Собственно «Логические исследования» – это, *во-первых*, путь к феноменологии логического разума (и, вместе с тем, к образцу всякого разума вообще), *во-вторых*, начало интенционального конституирования категориальных предметностей в чистом сознании и выделение метода подлинно интенционального анализа. Логика дальнейшего исследования требовала систематического раскрытия самой субъективности сознания, раскрытия трансцендентальной субъективности. И этот переход, что важно подчеркнуть, был обусловлен самой исходной направленностью способа философствования и особой постановкой проблем.

Опять обратимся к автору: «Здесь мы, следуя за Декартом, делаем великий поворот, который, будучи правильно осуществлен, ведет к трансцендентальной субъективности: поворот к его *сogito* как к аподиктически достоверной и последней почве суждений, на которой должна быть основана всякая радикальная философия» (15, 74). То есть, если Гуссерль говорит лишь об идеальных возможностях, которые усматриваются и постигаются исключительно на основе априорных актов мыслительной деятельности (то есть, если он провозглашает, что путь к истине возможен лишь через ее данность в сознании, достижимой в процессе «эйдетической абстракции» от всего реального, и, стало быть, к смыслу возможно пробиться через понимание его конституирования в чистом сознании), то вполне логичным продолжением

феноменологического исследования является все более и более углубленное прояснение этой деятельности. Соответственно, вместе с эволюцией интересов Гуссерля в сторону трансцендентализма изменяется и смысл, вкладываемый им в понятие «онтология».

Резюмируем: в «Логических исследованиях» Гуссерль понимал *онтологию* как всеобщую феноменологию предметностей сознания. В период же трансцендентальной философии онтология у него выступает как *поиск изначальных основ этих предметностей*, которые он усматривает в конституирующей деятельности самой субъективности. Поэтому интенционально-синтетическая деятельность субъективности становится позже для Гуссерля основной онтологической проблемой (см.: 16, 136-144).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию Ч. I. § 5. (Идеал универсальной философии и процесс его внутреннего разложения) // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994.
2. Седов Ю.Г. О структурах абсолютного опыта в философии Э. Гуссерля // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1995. Вып. 4. Сер. «Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения».
3. Мотрошилова Н.В. Возникновение феноменологии Э. Гуссерля и ее историко-философские истоки // Вопросы философии. 1976. № 12.
4. Молчанов В.И. Априорное познание в феноменологии Гуссерля // Вопросы философии. 1978. № 10.
5. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1963-1966. Т. 3.
7. Хайдеггер М. Мой путь в феноменологию // Логос. 1995. № 6.
8. Киссель М.А. Судьба старой дилеммы: рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века. М.: Наука, 1974.
9. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001.
10. Мотрошилова Н.В. Анализ «предметностей» сознания в феноменологии Э. Гуссерля. (На материале второго тома «Логических исследований») // Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989.
11. Рубенис А.А. Проблема онтологии и трансцендентальный идеализм // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988.
12. Калинин В.В. О картезианской программе обоснования наук // Проблемы методологии. М.: Наука, 1984.
13. Гуссерль Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология // Логос. 1992. № 3(1).

14. Конрад-Мартиус Х. Трансцендентальная и онтологическая феноменология // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988.
15. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: НАУКА, ЮВЕНТА, 1998.
16. Молчанов В.И. Cogito. Синтез. Субъективизм // Вопросы философии. 1996. № 10.

I. Kurov

BASIC PRINCIPLES FOR COGNITION OF OBJECTS IN EDMUND HUSSERL'S PHENOMENOLOGY

Abstract: The article deals with details related to general principles of cognition of objects by Edmund Husserl, especially at an early stage of development of phenomenology as a philosophical concept,

as described in the work "Logical analysis". In author's opinion, the theory of E. Husserl is fundamental, first and foremost, for his directions under which the true ontology can only be developed as ontology of consciousness, being a process that enables to describe things and form logical bonds in the world. Such postulate also embodies the wisdom of the study of transcendental subjectivity which includes new characteristics that were left out in classic transcendental philosophy.

Key words: phenomenology, cognition, "object", phenomenon, reduction, intentionality, transcendental subjectivity.

УДК 1 (091)

Павлова О.Н.

ФИЛОСОФИЯ АНТИЧНОСТИ: ЖЕНЩИНА КАК СТРАННЫЙ ОБЪЕКТ МЫШЛЕНИЯ*

Аннотация: В данной статье представлен анализ восприятия женской субъективности через призму античной философии, являющийся отправной точкой в представлениях о природе и сущности женщины, господствовавший впоследствии веками и отголоски которого достаточно отчетливо звучат и в настоящее время. Этот базис, сформированный на основе негативного обобщенного философами античности образа женщины как недочеловека, дефектной, дефицитарной, оскверненной, бесспорно, оказал самое значительное влияние на формирование женской идентичности и вне всяких сомнений по этой причине должен быть детально и подробно изучен. Тем более что и сегодняшнее женское отражение в зеркале души мужчины глубоко спрятано и замутнено.

Ключевые слова: женская субъективность в оценке античности, женщина как странный объект мышления, наследие и современность.

В настоящее время «женский вопрос» в социуме и культуре, пожалуй, один из самых «острых» и злободневных. Эволюционные трансформации «женского» в структуре женской субъективности привели к кризису женской идентичности, который отражается не только на бытии современных женщин, но и мужчин, влияет на все социумные сферы, дисбалансируя базовую диаду мужчина – женщина, рушит институты семьи, брака и ма-

теринства. Феминистическое движение широко, активно и захватнически проникающее своими идеологиями в разные среды – социальные, научные, культурные достигло своего апогея и зашло, фактически, в тупик, превратившись в «женонацизм», основная задача которого – доказать превосходство женщины над мужчиной. Философия и философская антропология как науки не могут «закрывать и дальше глаза» на данные актуальные проблемы, связанные с актуальными, масштабными и влиятельными изменениями в «женском».

Все эти проблемы нашего времени современных женщин, конечно же, имеют свою предысторию, которая развивалась имплицитно, постепенно, веками и корнями своими уходят в исторический базис женской субъективности. Это и есть одна из причин, в связи с которой стоит посвятить отдельное изучение античному философскому пониманию женщины. Еще отдельно надо сказать о необходимости исследовать философские идеи этого времени по аналогии с тем как в психоаналитической парадигме, а вслед за ней и во многих других областях гуманитарных знаний, для понимания внутреннего мира человека и связанных с ним всех его внешних, социальных проявлений очень важно обращение и учет его бессознательных содержаний, уходящих корнями в далекое и забытое прошлое, ранние годы жизни данного индивидуума, так и в аспекте изучения женской сущности, как всегда в науке, исключительна важна predisposition данной проблемы,

* © Павлова О.Н.